

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

УДК 338.12.017

К. А. Khubiev,

Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Political Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University M.V. Lomonosov

К.А. Хубиев,

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры политической экономики экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

I. M. Tenyakov,

Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Political Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University M.V. Lomonosov

И.М. Теняков,

доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры политической экономики экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

СОСТОЯНИЕ И ПОТЕНЦИАЛ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ НА ФОНЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ XXI ВЕКА¹

Аннотация: статья посвящена гармонизации экономической политики на основе системного качества национальной экономики. Двум проблемам уделено основное внимание: несовершенству и неэффективности сложившейся экономической системы России и направлениям ее преобразования; рассогласованности фискальной и монетарной политики и способам их согласования. Исследование потребовало проведение анализа и оценки тридцатилетия радикальных экономических реформ в количественном, качественном и социальном измерениях. Специальное внимание уделено роли государства в стимулировании технологического и социального развития. Через всю статью проходит критический анализ и сопоставление двух подходов к стратегии развития экономики России и ее экономической политики.

Ключевые слова: экономическая система, экономическая политика, монетарная политика, фискальная политика, воспроизводственная политика.

Думали: нищие мы, нету у нас ничего,
А как стали одно за другим терять,
Так, что сделался каждый день
Поминальным днем, –
Начали песни слагать
О великой щедрости Божьей
Да о нашем бывшем богатстве.

Анна Ахматова. 1915 г.

¹ Статья подготовлена на основе скорректированных материалов, опубликованных в журнале «Вопросы политической экономики» 2022, №2 под названием: «Надломленный вектор развития российской экономики» и в сборнике «Ценовой и кредитно-финансовый механизм стимулирования экономического развития России в современных условиях (мировой опыт и отечественная практика). Материалы всероссийской научно-практической конференции. - Карачаевск: КЧГУ, 2022. - 396 с. под названием: «Гармонизация экономической политики с учетом ее системного характера»

Введение

В состоянии стагнации российской экономики на нее выпала дополнительная нагрузка в связи с СВО. В условиях отсутствия внутренних источников роста приходится полагаться на доходы от экспорта энергоносителей. Но это экзогенный и недолгосрочный фактор. Мы уже имеем печальный пример развала государства (СССР) на фоне обвала цен на нефть во второй половине 80-х годов прошлого века. Какие угрозы возникнут перед Россией, если в очередной раз произойдет обвал цен на нефть и газ на мировом рынке? Создание внутренних источников роста становится жизненно важной практической проблемой. А поиск путей ее решения превращается в актуальнейшую научную задачу. Этим мотивировано написание данной статьи и разработка материалов, на которые она опирается.

Экономическая политика охватывает комплекс мер контролируемого воздействия со стороны Правительства и Центрального Банка на экономические процессы национальной экономики в целях сбалансированного развития. Пресловутая независимость Центрального банка создает проблемы выработки и проведения единой согласованной политики. Но на этом проблемы проведения эффективной экономической политики не исчерпываются. Даже гармонизированное проведение экономической политики требует предварительного определения стратегических целей экономики, чтобы не попасть в ловушку конструирования эффективных жерновов, перемалывающих недоброкачественные ингредиенты. Базисным условием эффективной работы гармонизированной экономической политики является социально-экономическое качество системы. Этому фактору будет уделено особое

внимание в статье. На этой основе будет аналитически рассмотрена проблема гармонизации самой экономической политики. Предмет исследования основной темы будет ограничен пореформенными результатами с уделением внимания самым последним событиям турбулентности экономики России в контексте мировой экономики.

Тридцатилетний юбилей радикальных реформ в России в январе 2021 года явился поводом для критического исследования сложившейся экономической системы и ее экономической политики. Авторы и исполнители реформ 1990-х гг., а также их последователи дают положительные оценки полученным результатам, а их позитивные предложения сводятся к продолжению либерализации экономики России. В статье излагается противоположная точка зрения с критикой сложившейся системы, подробным анализом качественных, количественных и социальных результатов и с предложением мер и направлений перестроения экономической модели и экономической политики России.

Актуальность исследуемой проблемы

По стечению обстоятельств, часто непрогнозируемых, экономика из способа воспроизводства жизни превращается в фактор национального выживания в пространстве всей цивилизационной оболочки нации. Именно с такого рода рисками Россия встречается последние столетия. И XXI век ее не пощадил.

Социально-экономическая динамика России в последнее десятилетие характеризуется противоречивыми трендами. С одной стороны, в РФ в 2011-2012 гг. началась стагнация, которая продолжается уже десятилетие: средние темпы роста ВВП составляют около 1%.

С другой – РФ стала одним из самых влиятельных участников мирового пространства, обладая энергоресурсами мировой значимости, сохраняя лидерство в освоении космоса, создании новых вооружений, развития атомной энергетики и др. Вместе с тем, страна обременена и глубокими внутренними проблемами, связанными с отставанием в области высоких технологий, сохранением высокого уровня социально-экономического неравенства и глубоких межрегиональных диспропорций. С добавлением внешних факторов получается сложная и противоречивая система.

Эти противоречия требуют своего разрешения. На актуализацию проблемы повлиял коронакризис и обострение мирового геополитэкономического соперничества, перерастающего в острые конфликты. Разрешение же этих противоречий, в свою очередь, предполагает обращение к исследованию специфики социально-экономической динамики РФ последнего десятилетия и поиску ответов на вопросы о путях перехода от стагнации к экономическому росту и к социально-экономическому развитию.

Методология исследования

В характеристике ныне сложившейся ситуации научное и экспертное сообщество сходится на том, что существенно изменяется миропорядок (в т. ч. как объект исследования), что он требует новых научных подходов и методологий. Господство моделей равновесия в период влияния неведомых прежде факторов и сил турбулентности не достаточно эффективно.

Решение названных проблем требует системного подхода, к исследованию. В свою очередь, системное исследование предполагает оценку сложившейся в России модели социально-экономического развития.

Такое исследование предполагает интегрированное использование багажа не только традиционного категориального аппарата макроэкономики, но и современной, эволюционной экономической теории, а также классической политической экономии и институционализма XXI в. А высоким методологическим смыслом междисциплинарного взаимодействия экономических наук является возвращение к причинно-следственным связям на новом уровне. Перспективная цель – разработка новой модели экономического развития, которая определит качество и направленность экономической политики.

В пользу провозглашенного подхода свидетельствуют некоторые знаковые события.

В 2021 году Нобелевскую премию по экономике присудили канадско-американскому экономисту Дэвиду Карду и двум исследователям из США Джошуа Ангристу и Гвидо Имбенсу. Ангристу и Имбенсу премия присуждена с формулировкой «за методологический вклад в анализ причинно-следственных связей». Существенность разворота позиции Нобелевского комитета обнаруживается в сравнении с предыдущей премией, которая была присуждена за работы по организации аукционов. Причем, в решении Нобелевского комитета сказано, что исследования в области причинно-следственных связей «революционизируют» экономическую науку. Политическая экономия, с момента ее зарождения, своей главной задачей считала исследование именно причинно-следственных связей, сущностью которых являются экономические законы. Новым вкладом Нобелевских лауреатов можно считать исследование причинно-следственных связей на эмпирическом уровне. Политэкономия охватывала более обширные исторические и социаль-

но-экономические пласты экономической жизни и развития общества. Поэтому достижения новых лауреатов носят скорее комплементарный (дополнительный), нежели революционный характер. Если разворот в сторону причинно-следственных связей в науке носит не ситуационный, а действительно революционный характер для мейнстрима, то экономическую науку могут ожидать основательные изменения, в том числе и в сторону сближения, и даже слияния, основных течений экономической теории. К этому, как нам представляется, ее подталкивает и складывающаяся новая реальность, глубинные причинно-следственные связи которой еще предстоит выявить, для стратегической ориентации в условиях новых глобальных вызовов.

Системное качество российской экономики как главный детерминант ее динамики и структуры

Системное качество российской экономики определяется: экономическими факторами, пространственно-географическими особенностями России, спецификой исторической динамики российского социума, наследием СССР, спецификой осуществления трансформации в 1990-х гг. и геополитэкономическими условиями (внешняя среда).

Поясним эти пункты.

Специфика пространственных и природно-климатических факторов редко исследуется учеными, анализирующими макроэкономическую динамику. Между тем, это один из решающих факторов, определяющих специфику объективных ограничений и целей макроэкономического развития. В частности, в данном случае необходимо принимать во внимание а) протяженность террито-

рии РФ (более 9 000 км. с запада на восток) и б) наличие труднодоступных пространств с низкой плотностью населения, имеющих в то же время важное значение для целостного развития. Важно учитывать, что в большинстве случаев проекты технологического, экономического и социо-культурного развития Севера, а также Восточной Сибири и Дальнего Востока бывают неэффективны по чисто рыночным критериям, но прогрессивны с точки зрения системного развития российского социума. Вовлеченность России в глобальное рыночное пространство требует сопоставления затрат и результатов. По инфраструктурным, географическим, климатическим факторам Российские компании испытывают дополнительное давление по сравнению с конкурентами. Это обстоятельство должно учитываться в политике внутреннего ценообразования на исходные ресурсы и государственной поддержке на внешних рынках. Резкое подорожание исходных энергоресурсов, начиная с 2021 г. открыло возможность для повышения конкурентоспособности российских предприятий путем политики регулирования цен на внутреннем рынке. Эта и подобные возможности не могут быть реализованы при господстве политики либерализации внешней торговли. Это обстоятельство дополнительно свидетельствует о необходимости системных изменений в российской модели развития. Некоторые изменения в этом направлении уже происходят. Но они носят пока фрагментарный характер под давлением чрезвычайных обстоятельств.

В традициях экономической теории в исследованиях по экономическому росту и развитию принято учитывать ресурсный подход. Мы тоже кратко его рассмотрим, не абсолютизируя, как один

из моментов системного подхода к экономическому развитию. При этом отдельно выделим институциональный фактор.

Естественные ресурсы

Общая ценность разведанных в России запасов полезных ископаемых составляет около 30 трлн долл., что соответствует 130-и годовым бюджетам России. Прогнозные запасы золота составляют 150 тыс тонн. В стране сосредоточено свыше 10% мировых запасов нефти, одна треть – газа, 5-6% – угля, около 25% железных руд и др. полезных ископаемых. В последнее время к ресурсным преимуществам относят географическое положение, которое составляет особую ценность в долгосрочном периоде. Разнообразие географических зон позволяет гибко управлять средой обитания в периоды устойчивых климатических изменений: на случай устойчивого долгосрочного потепления имеются северные территории, и наоборот. Наконец, к ресурсным преимуществам следует отнести и запасы пресной воды, неуклонно уменьшающиеся в условиях промышленного развития и урбанизации.

В структуре природного капитала России доминируют нефть (43%) и газ (23%). В целом невозобновляемые ресурсы, включая нефть, природный газ, уголь и минерально-сырьевые запасы, составляют около 75% общего объема природного капитала России.

В исследованиях и оценках природных ресурсов, даже специализированными учреждениями, традиционно преобладает количественный подход к их оценке и использованию. Опираясь на накопленные знания, следует разработать специальную программу превращения ресурсных преимуществ в конкурентные преимущества России на миро-

вом уровне. Не предметом подражания, но опытом для ориентации может служить Норвегия.

Человеческий ресурс (потенциал).

Индекс человеческого развития России в 2020 г. составил 0,824. Страна занимает 50 место среди 189-ти государств мира и остается в группе стран с очень высоким уровнем человеческого развития.

Структура совокупного богатства России по данным за 2017 г. в оценке Всемирного банка выглядит так:

- человеческий капитал 46%;
- произведенный капитал 33%;
- природный капитал 20% (из них 15% – невозобновляемые источники, 5% – возобновляемые).

Около половины всего совокупного богатства России составляет человеческий капитал – 46%. Это относительно высокий показатель для сырьевой державы, но это значительно меньше среднего показателя развитых стран в 70%.

Итак, Россия благополучна и конкурентоспособна по двум ресурсным показателям – сырьевому и человеческому капиталу; неблагополучна и неконкурентоспособна по двум другим – капитальному и институциональному. Подводя итог краткому анализу ресурсного фактора, следует обратить внимание на понятие «ресурсное проклятие» (нередко оно трактуется буквально). Между тем, это уникальное преимущество страны, которое проявилось в прошлом веке. И теперь, как выясняется, ресурсы составляют фундамент благополучия значительной части стран даже с развитой экономикой, что проявилось незамедлительно, как только эта, самая развитая часть, проявила вероломное высокомерие к стране – обладателю тех самых ресурсов. Взгляд на историческое прошлое невольно порождает вопрос: не ресурсное ли обилие и многообразие

России привлекают внешнее внимание и желание ими завладеть. Из столетия в столетие не прекращаются такого рода попытки.

Предпринятый выше подход требует обратить внимание на институциональный ресурс. Его не принято рассматривать как особый ресурс, хотя существенное влияние качества институтов и институциональных изменений на экономическое развитие очевидно. О качестве этого специфического ресурса красноречиво свидетельствуют практические результаты. Приступая к его рассмотрению, мы плавно приходим к факторам торможения российской экономики.

Институциональные преобразования в России в период 1990-х гг. имели своим результатам беспрецедентно катастрофические последствия. По спаду производства Россия превзошла Великую депрессию, ему еще не придумано достойное определение. В реальном выражении спад ВВП к 1998 г. составил по разным оценкам от 42-х до 50% от уровня 1990 г., инвестиции сократились на 80%, население сократилось более чем на 10 млн чел. Это не результат стихийных бедствий, а результат радикальных институциональных преобразований. У них есть свои персоналии, своя идеология, свое научное сопровождение. В фаворе была неоклассика и неоинституционализм как ее течение. Политическая экономия не только не была допущена к обоснованию радикальных реформ, она оказалась в полулегальном положении в системе образования и аналитики.

Главным негативным результатом провала российской экономики 1990-х гг. является потеря исторического времени, которая выразилась в упущенном технологическом развитии. Исследование причин случившегося провала зависит от принятой методологии. Систем-

ный подход ориентирует на поиск самых главных и фундаментальных причин. Радикально разрушая основы прежней системы, реформаторы новым комплексом институтов создавали ситуацию «неправильно застегнутой первой пуговицы». Основная масса государственных предприятий была формально преобразована в акционерные общества, ничего общего не имея с природой и сутью акционерных обществ.

Создание акционерных обществ, включая опыт России конца XIX в., свидетельствует о том, что они осуществляли прорывное развитие сфер и отраслей экономики. Такой результат был возможен по следующим причинам: АО создавались мотивированными субъектами, которые предварительно разрабатывали проект, который, как правило, носил инновационный характер. Для его реализации изыскивались средства как собственные, так и привлеченные. Акционеры рисковали не только своими средствами, но и репутацией, судьбами (например, судьба Мамонтова). Энергия, навыки и способности были мобилизованы для реализации проектов акционерных обществ. Результатом были не только новые рабочие места, но и новые производственные, инфраструктурные объекты. Создание акционерных обществ в соответствии с их природой было мощным импульсом инновационного развития экономики России на рубеже XIX-XX вв.

Создание акционерных обществ в 1990-х лишь формально соответствовало их названию, поэтому и результаты не могли быть иными. Этому периоду соответствует образ «неправильно застегнутой первой пуговицы», взятый из китайской пословицы. Под создаваемые АО новые проекты не разрабатывались, новые средства не привлекались, новые

рабочие места не создавались. Новые собственники не несли никаких рисков и ответственности. Они не создавали и не приобретали новую собственность, а ею наделялись. Сущность и последствия возникновения такой собственности была очевидна для отечественных экономистов. Практически, события 1990-х подтвердили тревожные социально-экономические прогнозы, составленные на основе политико-экономического подхода. К концу второго десятилетия XXI века появился критический союзник со стороны неоклассической теории в лице лауреата Нобелевской премии 2017 г. Р. Талера [2]. Он обосновал неэффективность наделенной (незаработанной) собственности. Та экономическая система, в основу которой были заложены институциональные преобразования по созданию неэффективной собственности, иной быть не могла. И тщетными, или даже лицемерными, оказались уверения общественности в том, что, преобразовав «неэффективную», государственную собственность в «эффективную», частную, заработают стимулы частного предпринимательства: конкуренция, инновационная инициатива. Обещано было, что энергия предпринимательства и законы рынка выведут экономику на вершины технологического прогресса. Ничего этого не произошло и не могло произойти по определению. Наделенная собственность вырабатывала навыки хищнической эксплуатации ресурсов и вывода за рубеж извлеченных доходов.

Роль государства

Технологическое развитие России оказалось в тупиковой ситуации. Либеральный вариант технологического прорыва через приватизацию и конкурентный механизм не состоялась. Либерализация внешнеэкономических отношений

обернулась компрадорским отношением финансово-экономической элиты к национальной экономике.

Государство не могло безучастно наблюдать отставание от мировых тенденций. Разрабатывался целый комплекс документов, направленных на промышленное и технологическое развитие. Их вехой явились майские Указы Президента РФ (2018), нацеленные на прорывное социально-экономическое развитие. Но уже был накоплен опыт реализации подобного рода важных документов, которые успешностью не отличались. К примеру, в 2008 г. была принята Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. Эта Концепция осталась в проекте, существенного продвижения в инновациях не получилось. Такая судьба постигла и другие важные государственные решения. Но государство, в пределах доступных ему ресурсов, продолжает наращивать усилия, направляя их на прорывное развитие.

1. Национальные проекты 2019-2024 гг.

Направлены на цели обеспечения прорывного научно-технологического и социально-экономического развития; повышение уровня жизни, создания условий для самореализации и раскрытия таланта каждого человека. Упомянутый Указ развивает программы, начатые в 2014-2017 гг. Новые цели впечатляют амбициозностью и масштабами финансирования объемом более 25 трлн руб. (25 019,3 млрд руб.). Только им не предшествовал глубокий анализ причин неуспешной реализации предыдущих инициатив такого рода. А отсюда обоснованные сомнения в их реализации, поскольку основы сложившейся экономической системы и механизм реализации важнейших инициатив и решений

остались неизменными.

2. Приоритетные программы и проекты²

Они во многом дублируют нацпроекты, хотя есть отличия: моногорода, реформа контрольной и надзорной деятельности. Изменяется ширина охвата проблем, но остаются без существенных изменений основы сложившейся экономической системы, поставленных задач и механизма их реализации.

3. Федеральные Институты развития³

Создан целый ряд институтов развития, однако не обосновано их особое место и роль в комплексе инициатив по прорывному развитию. Наиболее крупными институтами развития являются Внешэкономбанк, ГК «Роснано», ОАО «Российская венчурная компания», ГК «Фонд содействия реформированию ЖКХ». Они оказывают поддержку проектам через финанси-

рование бизнес-проектов, оказание инфраструктурной поддержки, а также софинансирование НИОКР.

4. Региональные институты развития

В субъектах Российской Федерации были созданы более 200 организаций, которых, можно отнести к институтам развития. Их основная деятельность направлена на поддержку малого и среднего предпринимательства, стимулирование развития инноваций, преодоление технологического отставания.

Имеются и отдельные значимые проекты, целевым образом финансируемые из бюджета.

Государственные инициативы по прорывному развитию впечатляют масштабами и объемом финансирования. При этом возникает вопрос об их эффективности и реализуемости. Какие могут быть гарантии того, что уровень эффективности и реализуемости именно новых инициатив окажется выше предыдущих, принятых на том же уровне, если экономическая система не претерпевает изменения в своей основе, механизм реализации существенно не меняется? Ответов на эти вопросы нет. Дополним анализ неэффективности на уровне практически реализуемой экономической политики, применив другой образ «лебедя, рака и щуки» из известной басни.

Инициативную деятельность высшего руководства страны можно обозначить образом лебедя. Она относится к стимулирующей фискальной политике и устремлена к прорывному технологическому и социально-экономическому развитию страны. Но она упирается в монетарную политику, которая имеет противоположную направленность. Центробанком во главу угла поставлено тарге-

² Здравоохранение, образование, ипотека и арендное жилье, ЖКХ и городская среда, международная кооперация и экспорт, производительность труда, малый бизнес и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы, безопасные и качественные дороги, моногорода, экология, реформа контрольной и надзорной деятельности.

³ В настоящее время действует ряд институтов развития, к которым относятся: Инвестиционный фонд Российской Федерации; Государственная корпорация «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)»; ОАО «Российская венчурная компания»; АО «Агентство ипотечного жилищного кредитования»; Государственная корпорация «Российская корпорация нанотехнологий»; Государственная корпорация «Фонд содействия реформированию ЖКХ»; ОАО «Российский сельскохозяйственный банк»; ОАО «Росагролизинг»; ОАО «Российский фонд информационно-коммуникационных технологий»; Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере и др.

тирование инфляции, что относится к классическим инструментам сдерживающей политики. Ей соответствует образ рака.⁴ Крупному национальному бизнесу соответствует образ щуки. Он улавливает потоки доходов и переправляет их за границу. Работает механизм «утечек», вместо «инъекций» в национальную экономику. Нетрудно представить себе картину архипелага инновационных объектов производственного и инфраструктурного характера в национальной экономике при альтернативном использовании средств, потраченных за рубежом на приобретение дорогостоящих яхт, клубов, недвижимости, коммерческих активов и т. п. В основе альтернативного движения потоков доходов тоже лежат системные деформации экономической модели.

Если в содержательном смысле объединить реальность, скрывающуюся за образами «неправильно застегнутой первой пуговицы» и «лебедя, рака и щуки», то получится следующая целостная картина:

1) Экономическая система России деформирована в фундаментальной основе на уровне отношений собственности.

2) Интересы наделенных собственников не находятся в органической связи с инициативами субъектов прорывного технологического развития России. Тем более они не связаны с интересами экономических субъектов, отчужденных от собственности на капитальные и природные ресурсы. На эмпирическом уровне это противоречие проявляется в разнонаправленной экономической политике и потоке доходов.

3) Система неэффективна от осно-

вания до конкретного уровня функционирования экономики, не содержит потенциала прорывного развития. А стремление залить ее деньгами (преимущественно ресурсного происхождения) в возрастающем количестве, не решит эту проблему системного характера. Ее самым очевидным результатом является возрастающая коррупция и разрывывание бюджетных денег.

В этой связи, перед экономической наукой встает масштабная задача разработки собственно российской экономической модели, учитывающей ее особенности и направления уместных преобразований. В этом направлении проводятся исследования, [3, 165–169; 11, 23–30], но задача эта сложная, ее решение требует мобилизации большого научного потенциала. Прорывное развитие возможно только тогда, когда гармонизированы интересы основных «игроков». А решение проблемы такого уровня связано с передислокацией собственности, соответственно экономической власти и социальной структуры общества. Мы обратимся к этим проблемам после анализа состояния российской экономики.

Динамика российской экономической системы

1. Количественные характеристики

В экономической динамике постсоветской России прослеживаются три крупных этапа: этап трансформационного спада (1991–1998 гг.), этап экономического роста (1999–2008 гг.), этап «новой нормальности» (с 2009 г. по настоящее время).

Первый этап был связан с системной трансформацией российской экономики, которая проходила с большими социально-экономическими издержками, что вылилось в продолжительный спад основных экономических показате-

⁴ В данном случае мы отвлекаемся от конкретных мер Центробанка чрезвычайного характера, связанного со столь же чрезвычайными событиями начала года.

лей (ВВП, доходов, инвестиций, и т.п.). На втором этапе начался рост, сперва носивший восстановительный характер. Мировой экономический кризис 2007–2009 гг. завершил второй этап динамики российской экономики.

Этап «новой нормальности» характеризуется неустойчивостью и затуханием долгосрочных темпов экономического роста. После кризисного падения (– 7,8% ВВП в 2009 г.) и посткризисного восстановления экономики в 2010–2011 гг., возврата к докризисным высоким темпам роста не произошло: темпы роста затухали, а в конце 2014–2016 гг. имела место локальная рецессия, вызванная сочетанием внутренних и внешних факторов.

В целом, можно сделать вывод об «упущенном десятилетии» экономического роста России: по нашим оценкам средний темп роста реального ВВП за

период 2010–2019 гг. составил не более 2% в год, хотя ряд экспертов дает более пессимистические оценки – не более 1%. В период же 2000-х гг. средние темпы роста российской экономики составляли около 7% в год. В результате за десятилетие 2009–2019 гг. по темпам роста экономика России устойчиво отставала от среднемировых показателей (3,76% в год). Графически траектория экономической динамики России (реальный ВВП) в постсоветский период в сравнении с траекторией мировой экономики представлена на рисунке 1.

Как следует из графика, за 30 лет, прошедших с начала рыночных реформ, реальный ВВП России превысил показатель 1990 г. всего лишь на 20–25%, в то время как значение мирового ВВП в 2019 г. в 2,8 раз превышало аналогичный показатель 1990 г.

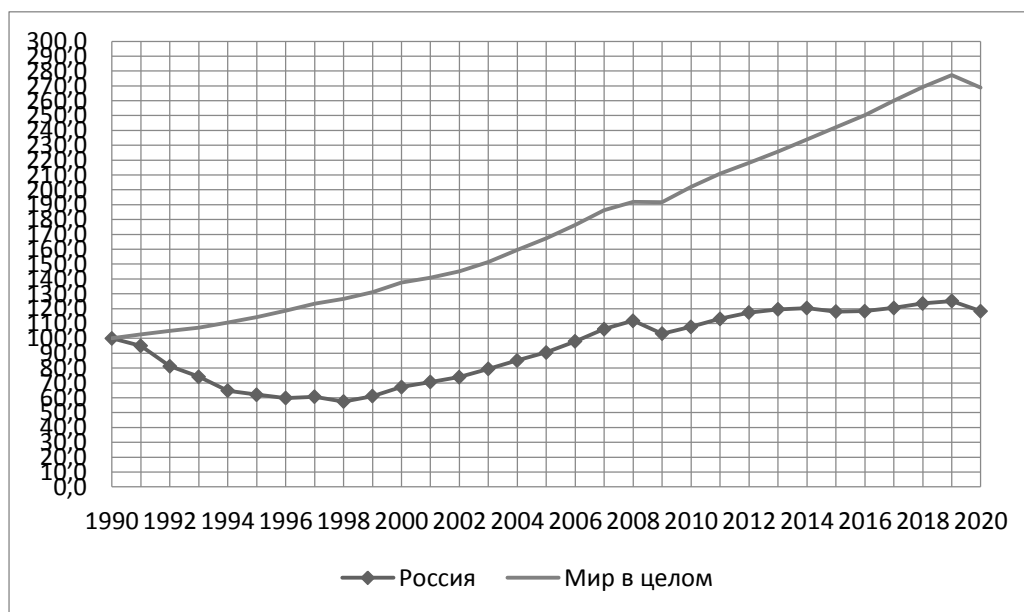

Рис. 1. Сравнительная динамика российской и мировой экономики в 1990–2020 гг. Уровень 1990 г. = 100%. (рассчитано по данным МВФ: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2020/01/weodata/weoselagr.aspx>)

Отставание динамики российской экономики от мировой позволяет оценить накопленные потери экономического роста в России – как совокупную площадь, ограниченную сверху графиком динамики мировой экономики, а снизу – графиком динамики российской экономики. Более подробно методология расчета накопленных потерь экономического роста представлена в работе автора [8, 119–131]. Здесь же отметим, что накопленные потери реального ВВП России за 1991–2020 гг. составили 25,4 единиц ВВП 1990 г. И, хотя данная оценка является сугубо количественной, она позволяет сделать и содержательные выводы: каков объем средств российской экономики мог бы быть потрачен на цели развития (в том числе развитие человеческого потенциала), если бы экономическая динамика в России хотя бы соответствовала мировой экономической динамике в течение всего постсоветского периода. Таковы утраченные альтернативы как результат рукотворных радикальных институциональных реформ 90-х годов прошлого века.

2. Качественные и структурные характеристики

Раскрытие структурных особенностей экономической динамики в России требует более детальной характеристики динамики выпуска по отдельным отраслям, в ряде случаев – в натуральных показателях.

На рисунке 2 представлена динамика промышленного производства в России и его основных отраслей (добыча полезных ископаемых, обрабатывающее производство, производство и распределение электроэнергии, газа и воды), а на рисунке 3 – динамика по основным подотраслям обрабатывающей промышленности (в сопоставимых ценах, в процентах по отношению к 1992 г.). При этом следует отметить, что указанные показатели даются в сопоставлении с 1992 г., когда в российской экономике уже наблюдался спад (так, реальный ВВП в 1992 г. сократился почти на 15% к уровню 1991 г.). Поэтому оценкой выхода на докризисный уровень следует считать достижение не 100% по каждой отрасли (это уровень 1992 г.), а примерно 110–115%.

Как следует из анализа рисунка 2, наиболее глубокий спад в 1990-е гг. испытало обрабатывающее производство, а в меньшей степени пострадала отрасль добычи полезных ископаемых. Указанная отрасль дала и наибольший прирост, выйдя к 2016 г. на уровень 130% от уровня 1992 г. Обрабатывающее производство в целом демонстрировало более скромные результаты, выйдя в 2016 г. на показатель 105%, что, с учетом имевшего в 1992 г. спада, оказывается даже ниже показателей конца 1980-х–1990 г.

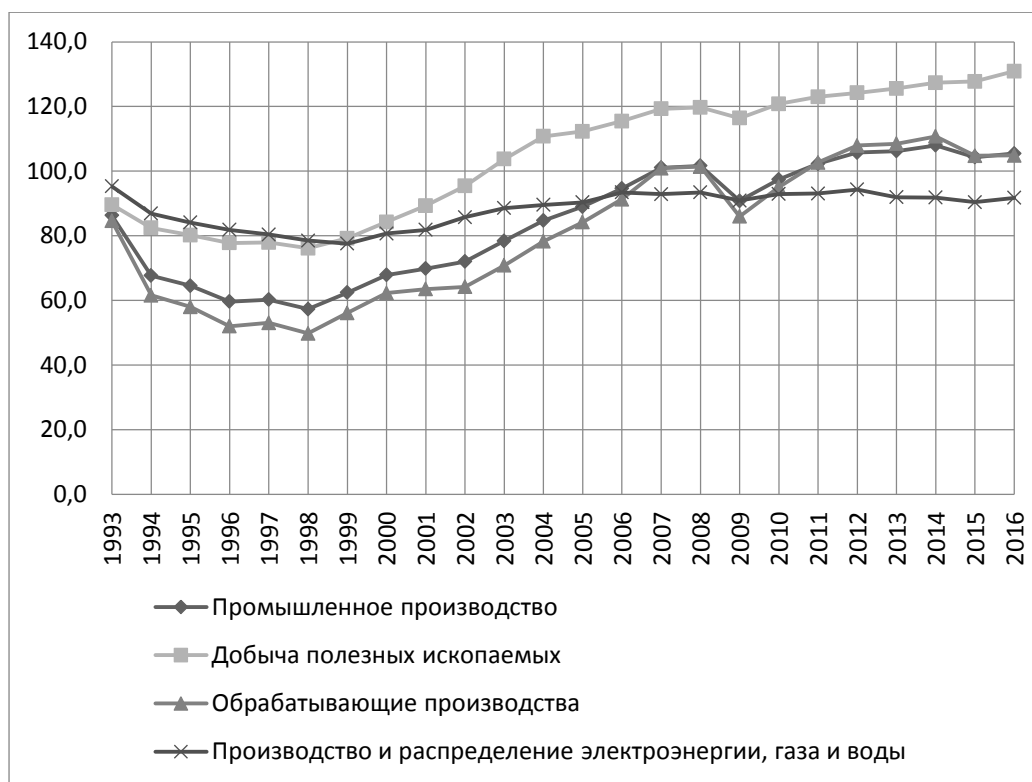

Рис. 2. Динамика промышленного производства по отраслям в России, в сопоставимых ценах, в % к соответствующему уровню 1992 г.

Источник: Росстат, расчеты авторов. <http://www.gks.ru>

При этом обрабатывающее производство в целом представляет собой совокупность различных отраслей промышленности, динамика которых отличалась противоречивостью. Так, с середины 2000-х гг. начало бурно расти производство резиновых и пластмассовых изделий, которое, несмотря на отдельные спады (в кризис 2009 г. и в 2015 г.) в целом продемонстрировало высокие темпы роста, так что в 2016 г. объем производства в указанной отрасли в 2,75 раз превысил уровень 1992 г. Ускоренным темпом с середины 2000-х гг. развивалось производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования, однако, кризис 2009 г. суще-

ственно повлиял на дальнейшие темпы развития указанной отрасли, в результате в 2016 г. объем выпуска в ней составил только 150% от уровня 1992 г. (это ниже, чем максимальный результат, достигнутый в 2007 г. – 185,6%). Химическое производство – еще одна отрасль, устойчиво развивающаяся с 2000-х гг. и успешно преодолевшая кризис 2009 г., в результате объем производства в ней в 2016 г. составил 155% от уровня 1992 г.

При этом одна из важнейших отраслей обрабатывающей промышленности – производство машин и оборудования – показала крайне низкие результаты в период роста 2000-х гг. и последующего периода десятилетней стагнации. В 2016

г. объем производства в указанной отрасли составил только 54% от уровня 1992 г. Еще одна отрасль, так и не восстановившаяся после трансформационного кризиса – это легкая промышлен-

ность (текстильное и швейное производство): в 2016 г. выпуск в отрасли составлял всего лишь 32% от уровня 1992 г. (рис. 3)

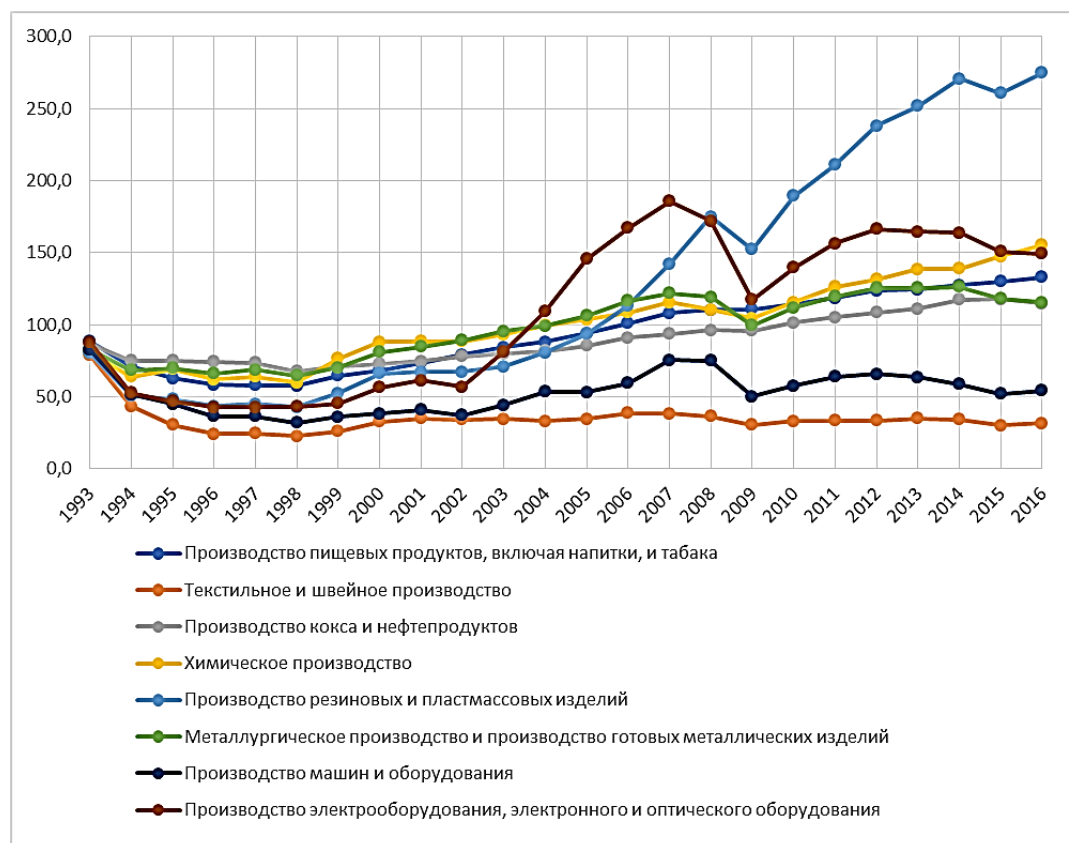

Рис. 3. Динамика производства по отраслям обрабатывающей промышленности в сопоставимых ценах, в % к соответствующим уровням 1992 г.

Источник: Росстат, расчеты авторов. <http://www.gks.ru>

Противоречивое развитие имело место и в сельскохозяйственной отрасли. На рисунке 4 показана динамика валового сбора зерна в России (млн тонн). Для данной отрасли характерна ярко выраженная цикличность, связанная с природными факторами (засухи, неурожаи), поэтому к фактическим данным была добавлена линия тренда. Отметим, кстати, что в 1990-е гг. цикличность усилилась: амплитуда колебаний выросла, что

было связано и с системными факторами: трансформацией отношений собственности на селе, изменением институциональной структуры экономики, выстраиванием новых хозяйственных связей между деревней и городом и т.п. В 2000-е гг. шло постепенное восстановление отрасли, ускорившееся после 2014 г. (в этой связи можно отметить положительное влияние санкций и ответных контрсанкций на зерновую отрасль).

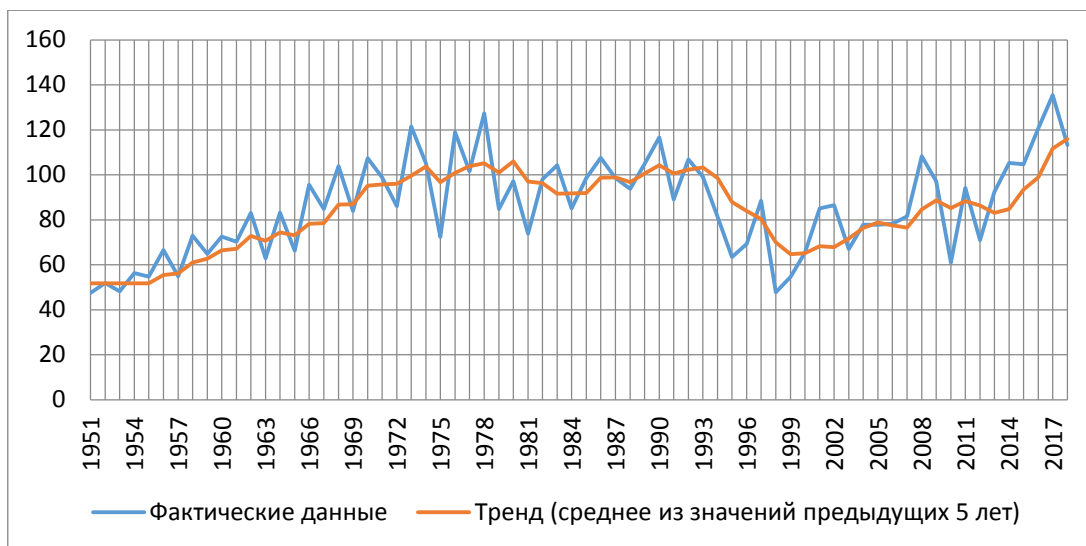

Рис. 4. Валовой сбор зерна в России, млн. тонн.

Рассчитано по: Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России. 2015. М.: Росстат, с. 80; Сельское хозяйство в России. 2019: Стат. сб. /Росстат, с. 47.

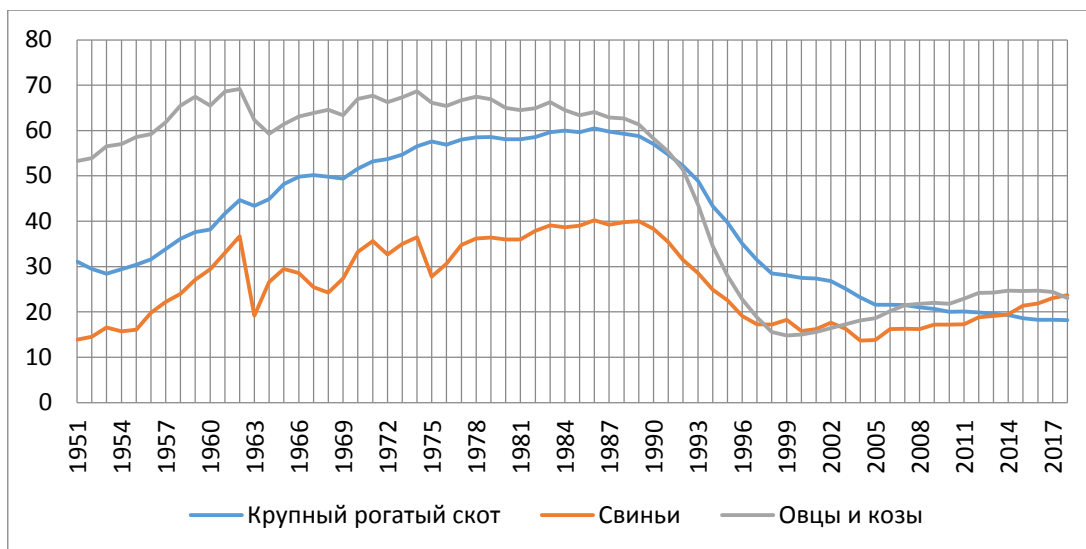

Рис. 5. Динамика поголовья скота в России, млн. голов

Рассчитано по: Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России. 2015. М.: Росстат, с. 91-92; Сельское хозяйство в России. 2019: Стат. сб. /Росстат, с. 57.

Однако в российском животноводстве ситуация оказалась гораздо более драматичной. На рис. 5 представлена динамика поголовья скота в России по категориям (крупный рогатый скот, сви-

ньи, овцы и козы). По всем трем группам наблюдалось резкое падение в 1990-е гг. Так, крупный рогатый скот сократился с 60,5 млн голов в 1986 г. до 28,5 млн голов в 1998 г. и продолжал сокра-

щаться и далее, до 18,2 млн голов в 2018 г. поголовье свиней снизилось с 40 млн голов в 1989 г. до 13,7 млн голов в 2004 г., после чего начался медленный рост, и в 2018 г. поголовье свиней составило 23,7 млн голов. Поголовье овец и коз снизилось с 66,3 млн. голов в 1983 г. до 14,8 млн голов в 1999 г., затем также начался медленный рост, и в 2018 г. поголовье овец и коз составило 23,1 млн голов. Однако, как видно из сравнения данных показателей, некоторый рост по свиньям, овцам и козам в 2000-е гг., не смог компенсировать спада 1990-х гг.

Противоречивая динамика в сельскохозяйственных отраслях не могла не отразиться на показателях потребления основных продуктов питания населением. По сравнению с 1995 г., в 2014 потребление на душу населения овощей выросло на 46%, мяса – на 35%, яиц – на 26%, сахара – на 25%, а потребление молока, картофеля и хлеба даже сократилось (на 4%, 10% и 2% соответственно). Наиболее существенный рост по потреблению был достигнут за счет рыбы (на 143%), растительного масла (на 86%), а также фруктов и ягод (на 120%). Указанные показатели характеризуют как изменения в структуре потребления

(рост доли рыбы, овощей и фруктов), так и возможности, открывшиеся перед российской экономикой в ходе встраивания в мировой рынок (импорт продовольствия, в частности, фруктов). При этом ограниченные возможности российского животноводства не позволяют в ближайшей перспективе резко повысить потребление мяса без учета импорта.

3. Социальные характеристики

Остановимся также на характеристике качественных результатов экономического роста в России с позиции социального подхода. Если структурный подход определяет качество роста преимущественно со стороны производства и места страны в международном разделении труда, то социальный подход делает акцент на гуманистической составляющей экономического роста: справедливом распределении доходов, продолжительности и качестве жизни, нерыночных благах и т.п.

Одним из показателей, учитывающих социальную составляющую экономического роста (в плане образования и продолжительности жизни), является Индекс человеческого развития (HDI). Значения HDI для России и ряда стран представлено в таблице (табл. 1).

Таблица 1

Индекс человеческого развития (HDI) по группам стран

Страны	1990	1992	1998	2008	2014	2019
Страны постсоветского пространства + Китай						
Россия	0,735	0,720	0,705	0,775	0,807	0,824
Белоруссия	н/д	н/д	0,674	0,777	0,814	0,823
Казахстан	0,690	0,682	0,672	0,758	0,798	0,825
Украина	0,725	0,713	0,688	0,755	0,771	0,779
Китай	0,499	0,517	0,571	0,678	0,731	0,761
Развитые страны						
США	0,865	0,872	0,889	0,911	0,920	0,926
Германия	0,808	0,821	0,860	0,924	0,937	0,947
Швеция	0,821	0,826	0,894	0,907	0,935	0,945
Япония	0,818	0,826	0,849	0,883	0,906	0,919

Источник: Human Development Reports (URL:

<http://hdr.undp.org/en/content/download-data> (дата обращения: 24.06.2021)).

Сравнение приростов значения HDI для России с динамикой ВВП, в том числе подушевой, показывает, что развитие российской экономики, измеряемое по HDI, шло медленнее, чем экономический рост, измеряемый по ВВП на душу населения. Так, значение HDI России в 2019 г. по сравнению с 1990 г. уве-

личилось на 12%, в то время как подушевой ВВП вырос в реальном выражении на 27%. При этом динамика ВВП на душу населения также учтена в HDI, так что частично прирост значений данного индекса также относится на счет увеличения подушевого ВВП

Рис. 6. Доля населения в России с денежными доходами ниже прожиточного минимума
 Источник: составлено автором на основе данных Росстата (URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/BBZLMcQ8/urov_51g.doc (дата обращения: 22.05.2021))

На рисунке 6 представлена динамика доли населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума в России. Анализ данных на рисунке позволяет сделать вывод, что в основном снижение доли населения с доходами ниже прожиточного минимума произошло в период с 2000–2007 гг., когда указанный показатель сократился с 29% до 13,3%. В последующий период происходили колебания этого показателя: минимальное значение пришлось на 2012 г. (10,7%), а к концу периода оно состави-

ло 12,1% (2020 г.). Отметим также, что на протяжении рассматриваемого периода менялась как величина прожиточного минимума, так и методология его расчета, поэтому прямые сопоставления только количественных показателей не совсем корректны. В целом, на этапе стагнации снижение бедности в России, наблюдавшееся на этапе восстановительного роста, практически остановилось.

Оценка неравенства доходов на основе коэффициента Джини также явля-

ется неполной. В 1992 г. по данным Росстата индекс Джини составлял 0,289, а в 2007 г. он увеличился до 0,422. Это максимальное значение за весь период наблюдений, представленный в данных Росстата. Восстановительный рост в России в 2000-е гг., таким образом, сопровождался усилением неравенства в распределении доходов. В период стагнации 2010-х гг. неравенство распределения доходов, оцениваемое по индексу Джини, менялось неустойчиво с некоторой тенденцией к снижению (так, по данным 2019 г. значение индекса Джини составило 0,411). Отметим также, что доля денежного дохода, приходящаяся на 1% лиц с наивысшими доходами, в России остается высокой: 20,2% за 2010–2019 гг. [13]. Россия по данному показателю находится практически на уровне США (20,5%), в то время как для европейских стран и Японии значение данного показателя ниже: Германия – 12,5%, Швеция – 9%, Япония – 10,4%. В Китае на долю 1% лиц с наивысшими доходами приходится 13,9% денежных доходов [13].

Высокое неравенство в распределении доходов искажает результаты экономического роста, поскольку значительная часть прироста дохода приходится на ограниченное число лиц.

Вместо заключения: сравнительный анализ альтернативных стратегий и экономической политики.

Социально-экономическая динамика РФ последних десятилетий характеризуется глубокими противоречиями, обусловленными спецификой ее производственных отношений и институтов. Их системный анализ позволяет сделать вывод о том, что они не могут быть источником устойчивого развития. Отдельные исключения, которые не всегда можно точно оценить в силу отсутствия или закрытости данных (например, про-

изводство современных видов вооружений, относительные успехи в ряде отраслей энергетики, сельского хозяйства) мало изменяют общее положение.

Какими же могут быть альтернативы?

В настоящее время в РФ предложен широкий круг программ, в которых предлагаются различные модели перехода к ускоренному росту и/или устойчивому развитию. Однако при всем их многообразии можно выделить два главных подхода.

Первое направление исходит из того, что главным результатом является создание рыночной экономики, тысяч частных собственников, поэтому надо совершенствовать данную систему путем осуществления, главным образом, институциональных изменений, направленных на углубление либерализации экономики, экстенсивную и интенсивную экспансию частной собственности, развитие конкуренции, создание независимой судебной системы и т.п. А в качестве конкретного и социально значимого результата называется рост средних доходов на 20% [14].

Второй подход исходит из того, что нынешняя модель требует системных изменений, ориентированной на реализацию социальных, гуманистических и экологических приоритетов на базе реиндустриализации на основе приоритетного развития высоких технологий. Эта трансформация предполагает глубокое реформирование системы социально-экономических отношений, начиная с фундаментальных основ, затрагивающих отношения собственности на ресурсы (капитальные и естественные) и соответствующие потоки доходов. Эти изменения позволят поставить под контроль общества (социализировать, а не просто национализировать) ключевые сферы развития – инфраструктуру, науку, обра-

зование, здравоохранение и перенаправить рентные потоки на цели устойчивого, социально-ориентированного развития. На этой основе предполагаются изменения в системе распределения доходов и социальной защиты, в частности повышение минимальной заработной платы, переход к прогрессивной шкале налогообложения доходов и наследства и т.п. Важнейшим слагаемым этой системы должно стать создание целостной системы механизмов развития, в частности, в сфере планирования и промышленной политики.

Системный метод требует разноразовного подхода. Начнем с конкретного уровня экономической политики, затем переместим анализ в деформированные основания российской экономической модели и, наконец, объединим эти два уровня. Выше отмечалась уже разноразовность бюджетной (лебедь) и монетарной (рак) политики и необходимость их согласования. Укажем на уникальную возможность ее практической реализации. Бюджетный профицит и профицит платежного баланса позволяют проводить стимулирующую бюджетную политику, а резкое укрепление национальной валюты позволяет поддерживать стимулирующую политику правительства стимулирующей монетарной политикой. Кроме того, эти две политики следует дополнить воспроизводственной экономической политикой. Ее основными функциями должны быть: аналитика воспроизводственных и функциональных связей в экономике; стратегическое планирование и согласование уровней и направлений планирования, разработка планов структурных изменений. Эти функции можно возложить на Минэкономразвития, освободив его от дублирования аналитических функций Центробанка, Минфина, Гос-

комстата. Системная функция воспроизводственной экономической политики будет в том, что она в единых целях согласует монетарную и фискальную политику. Правда, для этого необходимы структурно-политические решения для отмены пресловутой независимости Центробанка. Ее политика должна быть органически включена в стратегии технического и социально-экономического развития.

Эффективное функционирование экономики на конкретном уровне зависит от состояния ее основ – отношений собственности на ресурсы и вещественный капитал. Отмечалось выше, что именно с этого фундаментального уровня экономическую систему преследует эффект неправильно застегнутой первой пуговицы с начала 90-х. Отношения частной собственности на ресурсы (в широком смысле) были деформированы с момента их формирования по принципу наделенности. Без изменений в этой сфере не создастся системная эффективность формирования новой модели роста. Какие здесь могут быть изменения? Государство может национализировать ресурсы и потоки доходов рентного и монопольного происхождения. Более радикальным вариантом преодоления деформации в основе системы, требующим политических решений, является реприватизация. Это не конфискация, а объявление всех ранее приватизированных предприятий объектами инвестиционных конкурсов. Победители конкурсов возмещают прежним владельцам средства, потраченные при приватизации. Победителями инвестиционных конкурсов могут быть нынешние владельцы, новые владельцы, государство, трудовые коллективы. Победители инвестиционных конкурсов избавят экономику от тормозящего эффекта наделен-

ной собственности. Им на смену придет собственность приобретенная, с реальными стимулами развития. Соединение двух уровней реформ образует системное качество программы развития в новой экономической модели. Предложения, связанные с изменением отношений собственности, на могли не затронуть интересы тех, кто был этой собственностью наделен в той или иной мере, чувствует себя комфортно и не хотел бы ничего менять. Незамедлительно последовала реакция, в основном лишённая научного смысла. Из научно стилизованных откликов можно выделить суждения о том, что техническая основа приватизированных предприятий изношена и во многом обновлена. Но это результат неизбежной амортизации. А вот последующее утверждение Антона Свириденко – руководителя Экспертного центра при уполномоченном при президенте по защите прав предпринимателей, исполнительного директора Института экономики роста им. Столыпина о том, что прибыльность у компаний низкая и реприватизировать-то нечего. В том-то и дело, что идея конкурса направлена на то, чтобы поднять и прибыльность и технологическую активность. Этому противоречит утверждение о том, что приватизированные предприятия существовали и развивались. Тогда почему прибыльность низкая и почему их развитие не подтверждается в интегральных показателях, приведенных выше, где по темпам развития экономика России за 30 лет отстала от мировой в разы и даже на порядок? Впрочем, если и есть отдельные развивающиеся предприятия, то они окажутся победителями конкурсов и им ничего не угрожает. А предположение о раздаче доли государства гражданам не имеет отношения к нашим предложениям. Во-первых: государство мы числим в числе участников

конкурса, во-вторых: государственная доля в акционерных обществах тоже превращается в объект конкурса. Мы согласны с экспертом в том, что здесь немало вопросов для обсуждения. Но считаем, что их не больше, чем было при приватизации и они обсуждаемы и разрешимы при позитивном и научном подходе к проблеме преодоления стагнации российской экономики, особенно перед новыми вызовами. Без создания внутренних источников роста, не только экономика, но и само существование государства столкнется с вызовами жизненно важного значения.

Теперь рассмотрим уровень конкретных предложений при альтернативном подходе.

Защита прав частной собственности. Ни одна страна в мире не сделала для частной собственности столько, сколько было для нее сделано в России. В частные руки передан был беспрецедентный объем имущества и ресурсов, включая природные. Достаточно обратиться к материалам Счетной палаты РФ, чтобы убедиться в необоснованности мнения об ущемленном положении частной собственности со стороны государства [7]. На самом деле в защите нуждаются другие формы собственности, отражающие интересы развития экономики и абсолютного большинства граждан России.

Защита конкуренции. Конкуренция является естественным состоянием и следствием частной собственности. Если структуры, находящиеся в частной собственности, не конкурируют друг с другом, то это говорит о фундаментальных изъянах в самой частной собственности. Если основное течение современной экономической теории (Мейнстрим) признает «провалы рынка», то логически неизбежным является признание «провалов частной собственности». Различие

состоит в том, что в нашем случае провалы носят рукотворный характер. Правда, здесь называются два фактора, не зависящих от конкурирующих субъектов экономики: монополизм и высокая доля участия государства в экономике, доходящая до 70%. Что касается монополизма, то в России создана нормативная база и структура в исполнительной власти (Антимонопольный комитет с региональными подразделениями) специально для борьбы с монопольным доминированием на рынке. То есть, здесь нет проблем властно-политического характера и предложения о борьбе с монополизмом должны носить конкретный и адресный характер. Что касается чрезмерной доли участия государства к экономике в 70%, это уникальное недоразумение в российской науке и практике. Эта цифра появилась в докладе Антимонопольного комитета 2014 г., а затем получила распространение вплоть до высших кругов науки и политики. При исследовании этого недоразумения выяснилось, что цифра эта не явилась результатом разработки комитета. Более того, у него не оказалось методики подобных расчетов, он заимствовал эту цифру у неспециализированных интерпретаторов материалов Мирового банка. Подробный анализ этого вселенского заблуждения не входит в задачу данной статьи. Его результаты опубликованы [12]. Здесь достаточно очень краткой статистической ссылки. В предпандемный 2019 г., в государственной собственности по официальным данным было всего 15% основных фондов [6, 314]. Если на 15% основных фондов государству удастся создавать 70% ВВП, то это может свидетельствовать только об очень высокой эффективности госсектора со всеми вытекающими отсюда выводами относительно реструктуриза-

ции собственности при создании новой модели экономики.

Пренебрежение достоверными источниками и предпочтение необоснованно завышенных данных о доли государства в экономике потребовалось для двух целей. Во-первых: обвинить «непомерно раздутый» госсектор в стагнации и технологическом отставании; во-вторых: для обоснования претворения в жизнь идеи «второй волны приватизации». Целью является образование «второй волны» олигархической элиты.

Создание независимой судебной системы. Здесь проблема перевернута с ног на голову. Избыточная свобода и независимость судей является главной причиной многоуровневой коррупции в этой системе. На самом деле, необходим контроль за деятельностью судей, но не государственный, а общественный. Шагом вперед, по сравнению с нынешней системой, было бы использование советского опыта: выборность судей, периодическая отчетность перед избирателями, институт народных заседателей. Не недостаток, а избыточная независимость судей является главной проблемой этой ветви власти. У подобных предложений есть и другой контекст. Усложненная и дорогостоящая судебная процедура требует больших затрат на адвокатов, экспертизу. А если учесть и коррупционный рынок судебных услуг, то очевиден исход судебных споров в пользу наиболее состоятельной стороны. В этом суть разговоров о независимости судей за завесой риторики о демократизации и либерализации.

Второй подход не содержит потенциала изменения системы. Наоборот, предложения по «долиберализации» российской экономики только усугубят ее неэффективность. Все предлагаемые институты были созданы: частная соб-

ственность, антимонопольный комитет, независимый суд. Вместо того, чтобы исследовать их неэффективность и даже провальность, предлагается развивать эту систему. Если модель неэффективна, то она не даст желаемого результата. Сколько ни заливай в жернова неэффективной модели потоки денег под разными названиями (инновационное развитие, институты развития, приоритетные проекты, национальные проекты) существующая экономическая модель не содержит персонифицированных стимулов прорывного развития. Если субъектом прорывного развития выступает государство, его денежные потоки должны быть направлены на создание конкретных объектов и комплексов, которые явятся локомотивами развития новых технологий. Этому должна предшествовать плановая работа, вытекающая из Указа Президента РФ от 8 ноября 2021 г. № 633, и функций воспроизводственной

экономической политики.

Необходим переход к новой модели роста, основанной на большей роли внутреннего спроса и восстановлении воспроизводственного контура российской экономики, что позволит минимизировать зависимость от внешнеэкономической конъюнктуры и обеспечить производство основных видов промышленной продукции. Для этого потребуются активная государственная политика экономического роста, ликвидация разбухшего финансово-посреднического сектора, повышение вклада «ядра» реального сектора в прирост ВВП на основе технологического прогресса, использующего цифровые технологии и высококвалифицированную рабочую силу. Кроме того, требуются преобразования системного характера рассмотренные выше и требующие дальнейших разработок и обсуждений на позитивной и научной основе.

Литература

1. Всемирный банк отвел России 100 лет на развитие человеческого капитала. URL: <https://www.rbc.ru/economics/04/12/2019/5de76fa19a79476a1ebb8bec> (дата обращения: 22.05.2021).
2. *Белянин А.В.* Ричард Талер и поведенческая экономика: от лабораторных экспериментов к практике подталкивания (Нобелевская премия по экономике 2017 года) / А.В. Белянин // Вопросы экономики. – 2018, – №1.
3. *Кульков В.М.* Экономика России как система / В.М. Кульков // Экономическая наука современной России. – 2018. – № 4, С. 165–169.
4. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года.
5. Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1.662-р
6. Российский статистический ежегодник. М.: Росстат, 2020.
7. Счетная палата российской федерации Государственный научно-исследовательский институт системного анализа Счетной палаты Российской Федерации. Анализ процессов приватизации государственной собственности в российской федерации за период 1993-2003 гг. (экспертно-аналитическое мероприятие). – М.: Олита, 2004.
8. *Теняков И.М.* Оценка потерь экономического роста в странах, перешедших к рынку / И.М. Теняков // Экономическое возрождение России. 2017. – № 1. – С. 119–131.

9. Указ Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102468157> (дата обращения: 22.05.2021). 10. Указ Президента РФ от 8 ноября 2021 г. № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47244> (дата обращения: 22.05.2021).

11. Хубиев К.А. Системный подход к потенциалу развития и факторам торможения российской экономики / К.А. Хубиев // Экономическое возрождение России. – 2015. – Т. 43. – № 1. – С. 23–30.

12. Хубиев К.А. Актуальная роль государства в экономическом развитии / К.А. Хубиев. // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал экономического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова. – 2016. – Т. 8. – № 4.

13. Human Development Reports. URL: <http://hdr.undp.org/en/indicators/186106> (дата обращения: 26.06.2021).

14. Гайдаровский форум 2022. Сессия «30 лет российскому рынку» 13.01.2022. URL: <https://gaidarforum.ru/ru/programme-2022/2500/> (дата обращения: 27.03.2022). А. Кудрин назвал уровень жизни в России на 20% выше, чем при СССР. URL: <https://news.mail.ru/economics/49583086/> (дата обращения: 14.01.2022).